

Ю.М. ЛОТМАН КАК ФИЛОСОФ ТЕКСТА

В статье рассмотрены особенности творения Ю.М. Лотманом своего концептуального поля исследования. Позже это было определено как «всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология». Научная деятельность ученого была тесно связана с деятельностью московской семиотической группы. Отмечено, что на формирование структурно-семиотической культурологии Ю.М. Лотмана наиболее существенно повлияли труды Р. Якобсона по общей теории языка, русской литературе, поэтике и семиотике, а также и труды М.М. Бахтина, исследователя языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа.

Ключевые слова: семиотика, московско-тартуская школа, философия текста, поэтика, эпические формы.

Как раз через концептуальное начало творчества Ю.М. Лотмана, через базовый «концепт», который пронизывает содержание его работ, и можно обнаружить основание того, почему имя его не нуждается в особом представлении. Во многих научных и художественных текстах присутствуют описания различных предметов, явлений и процессов реальности. Но далеко не все предметы и явления могут быть подведены под определение концепта. «А концептами становятся только те явления действительности, которые являются актуальными и ценными для определенной культуры, – утверждает Е.С. Переломова. – Кроме того, концепт содержит в себе не только значение слова, которое отображает тот предмет, в котором это слово правильно употреблено. Концепт – это главным образом смысл слова, где рядом с денотативным значительен вес конотативного значения (в виде эмоциональной, экспрессивной, аксиологической окраски)» [12, с. 130].

Природе и понятию концепта в последнее время уделяется значительное внимание в научной литературе, поскольку имеет место представление о концепте как об инновационной идее, содержащей в себе значительный творческий потенциал или креативный смысл. Из таких исследований сущности и истории концепта, конечно, наиболее фундаментальной является работа Ж. Делёза и Ф. Гваттари [4]. Авторы утверждают: «...философия – не просто искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты, ибо концепты – это не обязательно формы, находки или продукты. Точнее будет сказать, что философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов... Творить всё новые концепты – таков предмет философии. Поскольку концепт должен быть сотворён, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о «творчестве» обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, – искусство философа сообщает существование также и умственным сущностям, а философские концепты тоже суть «sensibilia». Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто» [4].

Творением своего концептуального поля исследования и занимался многие годы Ю.М. Лотман. По большому счёту Лотман не только постулировал, но в своих трудах он создавал то, что Ю.С. Степанов обозначил как «всеобщую гуманитарную науку, или новую всеобщую антропологию, объединяющую разные виды искусств и разделы наук о них» [13, с. 13]. Ю.С. Степанов рассматривает концепт, как «тонкую пленку», как «понятие, расширенное в результате всей современной научной ситуации», которое «включает в себя не только логические понятия, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных явлений и ситуаций» [13, с. 20]. Концепты интерсубъективны и, окружая себя концептами других авторов, могут сами создавать себе контекст. Концепт – это не только формально фиксированное понятие, но некая интуиция, способная быть «словесным образом бытия», как писал в своё время С.Н. Булгаков.

Научная деятельность Ю.М. Лотмана оказалась тесно связанной с деятельностью московской семиотической группы, когда в 1964 году они объединились вокруг изложения результатов исследования русской литературы с точки зрения структурно-семиотического подхода на формализованном языке. К широкому кругу предпосылок семиотики культуры Московско-тартуской школы можно отнести положения общей семиотики, общего языкознания, структурной лингвистики, литературоведения, теории информации, а также теории систем. Следует отметить, что на формирование структурно-семиотической культурологии Ю.М. Лотмана наиболее существенно повлияли пионерские труды Романа Осиповича Jakobsona (1896-1982) по общей теории языка, фонологии, морфологии, грамматике, русскому языку, русской литературе, поэтике, славистике, психолингвистике, семиотике и многим другим областям гуманитарного знания. Важную роль в формировании научных воззрений Лотмана сыграли и труды Михаила Михайловича Бахтина (1895-1975), исследователя языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа.

Именно в 1960-е годы формируется центральный концепт Московско-тартуской семиотической школы – «вторичные моделирующие системы». Такой вторичной системой для Ю.М. Лотмана является искусство, но прежде всего литература. Он полагает, что каждое конкретное художественное произведение-текст организует естественный язык по новым логическим правилам, позволяя человеку создавать «модели» мира и себя самого. Культуру Лотман рассматривает подобно искусству, рассматривает как единое художественное произведение человечества. Именно такое представление и позволяет Лотману построить целостную концепцию структурно-семиотической культурологии.

Выделяя типы культуры в зависимости от организации кода культуры, Лотман показывает логику смены типов одним другим: зарождаясь на определенном уровне культуры принцип организации культурного кода – метаязыка культуры – постепенно распространяется на каждый культурный уровень и тем самым себя изживает. В то же время на более низком уровне культура – совокупность многих языков, поэтому тексты культуры осуществляют постоянный переход из одних семиотических систем в другие. Этот механизм функционирования культуры придает ей динамику. Таким образом, структурный подход в структурно-семиотической культурологии Лотмана объединяется с историческим.

Философско-методологические проблемы наук о культуре, на которые выходит Ю.М. Лотман, отражены центральной в его структурно-семиотической культурологии концепцией «семиосферы». Понятие «семиосфера» впервые введено в научный тезаурус Ю.М. Лотманом в 1984 году [11]. Обоснованное центральное положение среди других аспектов структурно-семиотической теории культуры «семиосфера» получает в работе Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» (1996), в которой он показывает, что каждая отдельно рассматриваемая культура или субкультура образует собственную семиосферу. Исследование таковой имеет эвристическое значение в моделировании реального культурного процесса и поведения личности.

Собственно, в этом смысле «семиосфера» Ю.М. Лотмана и является концептом. С одной стороны семиосфера – формальное понятие, которое Лотман вводит для фиксации структурно-семиотической организации культуры, пространство которой заполняют частные языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры, языкоподобные полуоформленные образования и тексты, построенные согласно принципам этих языков. С другой стороны, сам концепт находится в постоянном развитии, по существу каждое конкретное исследование культурного явления Лотманом сопровождалось переосмыслением всей системы категорий и трансформацией самого предмета, который представлялся все более сложным по своему устройству и функциям^[2]. Очевидным свидетельством этого является эволюция его представлений о соотношении языка и текста.

Взять, например, развитие литературы в масштабах хотя бы Европы, – это сложный и разнонаправленный процесс. Ю.М. Лотман отмечает: «В реальности циркуляция текстов непрерывно идет в разных направлениях, большие и малые потоки скрещиваются, складывая свои воздействия. Одновременно тексты транслируются не одним, а многими центрами семиосферы, да и сама семиосфера подвижна в своих границах. Наконец, те же самые процессы протекают и на других уровнях: периоды агрессии поэзии в прозу сменяются агрессией прозы в поэзию, взаимное напряжение драмы и романа, письменной и устной культуры, культуры элитарной и массовой создают многонаправленные токи текстов. В разных аспектах одни и те же центры семиосферы могут быть одновременно и активно действующими, и «принимающими», одни и те же пространства семиосферы могут в одних отношениях быть центрами, в других – периферией,

влечения провоцируют отталкивания, заимствования – самобытность. Пространство культуры – семиосфера – не есть нечто действующее по предначертанным и элементарно вычислимым путям. Оно кипит как Солнце и, как на Солнце, в нем очаги возбуждения меняются местами, активность вспыхивает то в неведомых глубинах, то на поверхности и иррадирует энергию в относительно спокойные сферы. И результатом этого непрерывного кипения является выделение колоссальной энергии. Но энергия, выделяемая семиосферой, – это энергия информации, энергия Мысли» [10, с. 276].

Следует заметить, что даже те образованные люди, кто имеет достаточное представление о Лотмане, едва ли вполне представляют себе какова же на самом деле была разносторонность интересов и научных поисков Юрия Михайловича^[3]. К тому же пониманию феномена Лотмана препятствует сложность проникновения профанов в его мир высокой филологии и семиотических штудий, который был средой его научного бытия, его миром. Обширный и значимый для лингвофилософии комплекс идей, который был выработан Ю.М. Лотманом и другими участниками Тартуско-московской семиотической школы, сегодня находит все большее число последователей и получает всё более широкое освещение как в отечественной научной литературе, так и в ряде диссертационных исследований.

Тема формализации пути читателя от текста к мысли поэта становится актуальной для Ю.М. Лотмана во всех его работах по анализу текста. Для наглядной демонстрации в качестве выигрышного примера Лотман выбирает пушкинскую строчку из «Вольности» – *«Восстаньте, падишие рабы!»* Семантически слово *«восстаньте»* значит *«взбунтуйтесь»*, но стилистически оно значит просто *«встаньте»* (со знаком высокого слога). Естественно, нашему слуху ближе первое значение, но в логику стихотворения непротиворечиво вписывается лишь второе. Свидетельствовать это может лишь о том, что для понимания стихов недостаточно полагаться на свое чувство языка. Здесь следует изучать язык поэта как чужой язык, в котором связь слов по стилю (или даже по звуку) может значить больше, чем связь по словарному смыслу. М.Л. Гаспаров по этому поводу заметил: «Для идеологии, считавшей, что у мировой культуры есть лишь один язык, и она, идеология, – его хозяйка, это тоже было неприятно» [2, с. 487]. Замечание Гаспарова уместно, поскольку советская идеология была ориентирована на восстание, на революционное преобразование мира и именно такое видение было бы ей лестно в пушкинских строках. Интересно было бы знать, в какой мере знаком был Ю.М. Лотман с творчеством Хосе Ортеги-и-Гассета, в частности с его работой «Восстание масс». Ведь фактически здесь то же понимание: восстание как возникновение, как неотвратимость.

Но жизненная ситуация требовала, а профессор Лотман и здесь строго держался установок марксизма, а именно установок на диалектическое мировидение. Принцип всеобщей взаимосвязи явлений определял, что в стихе всё: аллитерации, ритмы, метафоры, образы и идеи сосуществуют, тесно переплетаясь друг с другом. Ощутимы они только контрастами на фоне друг друга, фонические и стилистические контрасты сцепляются со смысловыми, и в результате, например, оппозиция взрывных и не взрывных согласных оказывается переплетена с оппозицией «я» и «ты» или «свобода» и «рабство». «Притом, что важно, эта взаимосвязь никогда не бывает полной и однозначной: вывести ямбический размер или метафорический стиль стихотворения прямо из его идейного содержания невозможно, он сохраняет семантические ассоциации всех своих прежних употреблений, и одни из них совпадают с семантикой нового контекста, а другие ей противоречат. Это и есть структура текста, причем структура диалектическая – такая, в которой всё складывается в напряженные противоположности» [2, с. 487].

Главная же диалектическая противоположность, делающая текст стихотворения живым, заключается в том, что текст представляет собой поле напряжения между нормой и ее нарушениями. При чтении стихотворения (а тем более многих стихотворений одной поэтической культуры) у читателя складывается система ожиданий: если стихотворение начато пушкинским ямбом, то ударения в нем будут ожидать на каждом втором слоге, а лексика будет возвышенная и (для нас) слегка архаическая, а образы в основном из романтического набора и т.д. Но эти ожидания могут подтверждаться, а могут и не подтверждаться. Именно подтверждение или неподтверждение этих читательских ожиданий реальным текстом ощущается как эстетическое переживание. Если подтверждение стопроцентно (нет никакой новой информации), то стихи ощущаются как плохая, скучная поэзия; если же, напротив, полное неподтверждение (новая информация не опирается на имеющуюся), тогда стихи ощущаются как вообще не поэзия. Таким образом, критерием оценки стихов становится мера наличной в них информации. Ю.М. Лотман обращает внимание на малоизвестное свидетельство Поля Лафарга о Карле Марксе,

утверждавшем, «что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой»^[4]. Что читательские ожидания ориентированы на норму, и эстетическим переживанием является подтверждение или неподтверждение этой нормы, видно на самом простом уровне строения текста – на стиховом. Именно в стиховедении норма строения стиха называется метром.

Многие исследователи творчества Ю.М. Лотмана воспринимают его прежде всего как историка литературы и культуры. Однако он подходил к эмпирической действительности не как наблюдатель и регистратор фактов. Множество эмпирического материала Лотман организовывал посредством выработанного им самим метода, а структурно-семиотический подход был для него одним из способов осмысления сложных объектов, таких как художественное произведение и культурная эпоха. Применяя семиотику и структурализм на разнообразных объектах исследования (русская литература, межкультурные связи, теоретические проблемы литературы, кино, живописи), Лотман стремился к научности гуманитарного знания, «сама установка на научность литературоведения у Лотмана не менялась, даже когда стало очевидно, что критерии научности более сложны, чем поначалу казалось», – отмечает Н.С. Автономова [1, с. 206].

От литературного текста как объекта исследования Лотман переходит к исследованию культуры и порождающих ее механизмов. Соответствие сложности объекта требует от исследователя развитие методологии, поэтому Лотман обращается к риторике, нейросемиотике, теории систем. Культура в понимании Лотмана предстает как сверхиндивидуальный интеллект, двумерное и двуполушарное сознание (по схеме структурных бинарных оппозиций: логическое – мифологическое, дискретное – непрерывное). С середины 1980-х годов Ю.М. Лотман сосредотачивает внимание на философско-методологических аспектах исторического познания и развитии общего теоретического взгляда на культуру, рассматривая эти вопросы на конкретном литературном и культурном материале. Как замечает Н.С. Автономова, «опыты философии языка» всегда сочетались Лотманом с опытами практической работы с языком – расчленения и упорядочения словесной и концептуальной ткани, перевода, интерпретации. Таким образом, общее и частное, теоретическое и исторически конкретное в его работах всегда дополняли друг друга.

Структурный метод по Лотману не противоречит историческому исследованию, поэтому его работы ставят целью не только описания структуры объекта и функционирования знаковых систем, но и процесса структурирования, семиозиса как динамики означивания в культуре. Естественный язык, по Лотману, не просто структура или образец структурности, но то, что обеспечивает его носителям «интуитивное чувство структурности» – ощущение целого в культуре, окружающем мире, который может проявиться только на фоне структурности языка, как событие, в эту структуру не укладывающееся.

Концептуально нагруженное понятие «семиосфера», впервые введенное и разработанное Лотманом, используется сегодня во многих работах в совершенно разных областях применительно к изучению широкого спектра социальных и культурных явлений^[5]. Построение «семиосферы» культуры как ее модели позволяет расшифровывать язык определенной культуры, выявлять ее собственные понятия и специфическую логику. Как справедливо отмечает А.Я. Гуревич, обращаясь к методологии французской историографической школы «Анналов»: «Для того чтобы проникнуть в сознание людей минувших времен и восстанавливать его структуру, необходимо расширить круг источников, которые могли бы дать нужные ответы, и интенсивно использовать методики других дисциплин, от психологии до лингвистики и семиотики... Разработка методов синтетического подхода к пониманию и изображению общества и его развития, невозможная без полидисциплинарности» [3, с. 33].

Весьма знаменательно, что основная проблематика исследований Ю.М. Лотмана вполне вписывалась в общефилософский процесс 1960–1980-х годов. В советской философии это время характеризуется новым этапом развития. Именно тогда возобновляется разработка собственных философско-методологических проблем, среди которых была ориентация на философский анализ познания, роль мышления и разума в человеческом бытии. Теоретико-познавательная проблематика в философии совпала тогда с активными исследованиями познавательных процессов в психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), символической логике (В.А. Смирнов), когнитивной лингвистике (Вяч. Вс. Иванов), кибернетике (А.Н. Колмогоров), методологии системного анализа (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин), истории естествознания.

В этой научно-исследовательской ситуации Ю.М. Лотман в своих работах акцентировал внимание на философских проблемах человеческого сознания, «искусственного интеллекта» и бытия культуры. Так в своей работе «Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума» (1977) Ю.М. Лотман рассматривает имеющийся опыт исследований по семиотической культурологии, связывая его с проблемами искусственного интеллекта. Учёный исходил из того, что «рассмотрение семиотической структуры культуры как механизма коллективного разума и анализ «памяти культуры», а также механизмов выработки новой информации позволяет установить параллелизм между культурой и индивидуальным интеллектом, с одной стороны, и искусственными думающими устройствами – с другой» [7, с. 557].

Лотман рассматривает культуру как целое, которое обладает особым аппаратом коллективной памяти и механизмами выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках, что в совокупности этих качеств позволяет рассматривать культуру как коллективный интеллект. При этом Лотман уверен, что коллективный интеллект как образец для искусственного обладает рядом преимуществ перед индивидуальным. Представляя устройство, созданное историей человечества, он в гораздо большей мере эксплицирован, механизмы его выявлены в языках культуры и закреплены многочисленными текстами, в отличие от скрытых языков человеческого мозга. Тем более, что предшествующее изучение культур накопило огромный материал, позволяющий раскрыть исключительно интересные интеллектуально-мнемонические механизмы [7, с. 557].

Перспективы создания искусственного интеллекта Юрий Лотман связывает также с резко возрастающим количеством текстов. В истории человечества уже был момент, когда число текстов, подлежащих запоминанию, превысило возможности индивидуальной памяти человека. Тогда и возникла письменная культура, позволившая фиксировать в памяти коллектива большое число разнообразных текстов. Книгопечатание привело к тому, что образы книги, библиотеки стали отождествляться в сознании людей с самим понятием памяти. Но в эпоху письменности преобладают наименее компактные способы фиксации в виде готовых текстов. Давая оценку перспективам искусственного интеллекта в 1977 году, Ю.М. Лотман предвидел колоссальное возрастание массива информации, поэтому он размышлял над тем, как культура концентрирует в себе сведения об ее прошлых состояниях. Отсюда и задача: создать исключительные, с точки зрения технической эффективности, структуры памяти. «Механизмы памяти культуры обладают исключительной реконструирующей силой, – отмечает Лотман. – Это приводит к парадоксальному положению: из памяти культуры можно извлечь больше, чем в нее внесено. Эта способность ретроспективно наращивать память говорит о принципиально ином ее устройстве, чем то, которым до сих пор наделяются искусственные интеллектуальные устройства» [7, с. 567].

Включение концепции семиосферы Ю.М. Лотмана в исследования по русской философии, дает нам дополнительные возможности выстроить связь ее современных тенденций с русско-советской философией. Для этого необходима реконструкция системы воззрений Ю.М. Лотмана, историко-философское исследование концепции семиосферы и ее значения в формировании методологии и проблемного поля философии.

Сегодня никто не сомневается в величии Ю.М. Лотмана как культуролога. Но мало кто обращает внимание на то, что он постоянно находился на переходе между «рождением трагедии» и «высокой поэзией», будучи человеком промежутка, т.е. определенного, а точнее последнего периода советского социалистического общества. Как и многим другим его современникам, судьба уготовила ему оказаться в «точке поворота». Но, и это знаменательно, среди многих советских историков, политологов, социологов, философов и культурологов мало кому, кто оказался в «промежутке» и даже в «точке поворота», удалось понять суть происходящего. Это касается и сути промежутка – между чем и чем, и направления, в каком осуществляется «поворот». И.В. Кондаков, рассматривая эту тему, отмечает: «Заслуга Лотмана заключается в том, что он не только понял это, но и сумел доказать другим, что это – поворот к культуре и поэтому следует заняться наукой о культуре – культурологией. Далее, он пришел к заключению, что культура – это структура текста и система знаков, а потому, чтобы изучать культуру, надо анализировать структуры и знаковые системы, т. е. заниматься семиотикой культуры» [5, с. 233].

Будучи глубоко эрудированным и наблюдательным исследователем, Ю.М. Лотман обращался ко многим сферам духовной и материальной жизни общества: к поэтическим текстам и литературному процессу, к явлениям театрального и киноискусства, к философско-мировоззренческим истокам творчества писателей и деятелей культуры, к бытовому поведению

дворян XVIII-XIX вв., к структуре городского пространства, к анализу древней мифологии и современной идеологии. Интерес мыслителя вызывали асимметрия полушарий головного мозга и структуры мысленного диалога, цитаты, нарратив, закономерности исторического процесса и осмысление «вещного мира». Важно, что обращаясь к различным темам, Ю.М. Лотман во всём обнаружил тексты культуры с их знаковой и символической природой, обладающие свойствами «вторичных моделирующих систем», надстраивающихся над «первичными» системами знаков – естественными языками. Само понятие «текст культуры» стало важным моментом, позволяющим охватить и объяснить различные явления искусства, философии и науки, позволяющим раскрыть их взаимодействие в культуре, обнаружить общие закономерности. Этот подход Ю.М. Лотман последовательно применил ко многим отличным друг от друга явлениям, что позволило ему создать новаторское направление в науке о культуре. Сюда органично были включены литературоведение, искусствоведение, лингвистика, история и ряд других гуманитарных наук, составляющих смысловое пространство гуманитарного знания в целом.

Размышляя над ключевыми проблемами философии культуры, Лотман исходил из того, что традиционная модель цивилизации как большой структуры рисуется в тех чертах, которые ей придавали многочисленные антиутопии: культурная унификация, всемирная казарма, полное уничтожение индивидуальности. На самом же деле, подлинно жизнеспособная большая структура, чтобы сохранить свою жизнеспособность, должна быть построена на принципиально иных основах [6, с. 11]. Чтобы быть жизнеспособной, она должна сохранить структурное двуединство, т.е. быть одновременно единой и бинарной. По мнению Ю.М. Лотмана, будущая большая культура должна будет ещё с большей энергией культивировать структурное различие ее частей, разнообразие своих внутренних языков. Сохранение и приумножение различно организованных субструктур является неперенным и единственным средством жизнеспособности. Но это не может продолжаться бесконечно и неизменно.

В теоретическом смысле сам М.Ю. Лотман полагал, что момент взрыва есть момент непредсказуемости, которую не следует понимать как безграничные и ничем не определенные возможности перехода от одного состояния в другое. Каждый момент взрыва имеет свой набор равновероятностных возможностей перехода в следующее состояние, за пределами которого располагаются заведомо невозможные изменения. Всякий раз, когда мы говорим о непредсказуемости, мы имеем в виду определенный набор равновероятностных возможностей, из которых реализуется только одна. При этом каждая структурная позиция представляет собой набор вариантов, которые до определенной точки выступают как неразличимые синонимы. Движение от места взрыва все более и более разводит их в смысловом пространстве, пока они не становятся носителями смысловой разницы. В результате общий набор смысловых различий все время обогащается за счет новых и новых смысловых оттенков.

Ю.М. Лотман, прожив трудную жизнь, знал, что жизнь требует от человека очень многого. Человек перестаёт быть винтиком, у него возникает множество ситуаций, когда появляется возможность выбора: поступить одним или другим способом. Лотман говорит о том, что человеку дана совесть и потому его можно судить. Но не говорите себе: «Я был в таком положении, я ничего плохого не хотел, но были такие обстоятельства, я иначе поступить не мог»... «Это неправда! – восклицает профессор Лотман. – Не бывает обстоятельств, когда нельзя поступить иначе. А если у нас такие обстоятельства всё-таки находятся, значит у нас нет совести. Совесть – это то, что диктует, как поступить, когда есть выбор. А выбор есть всегда... Выбор – вещь тяжёлая, поэтому дураком быть легче, с дурака нет спросу: «Мне приказали, а что я мог сделать?», «Меня привели, а вы бы сами попробовали...» [9, с. 462].

Создав фундаментальное учение о культуре, уже на склоне своей жизни проф. Ю.М. Лотман считает нужным задаться жизнесмысленным вопросом: «Чему же учатся люди?» И отвечает: «Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совестью. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе, и которые вобрало в себя искусство».

Литература:

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров. – М.: Росспэн, 2009. – С. 206.
2. Гаспаров М. Л. Ю.М. Лотман: наука и идеология // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – Т. 2. – М., 1997. – С. 487.
3. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – №2-3. – С. 33-34.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
5. Кондаков И. В. Ю.М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман / Под. ред. В.К. Кантора. – М., 2009. – С. 233.

6. Лотман Ю. В точке поворота // Литературная газета. – 1991. – 12 июня. – № 23. – С. 11.
7. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. – С.-Петербург, 2000. – С. 557.
8. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. – С.-Петербург, 2000. – С. 563.
9. Лотман Ю. М. Чему же учатся люди? // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 462.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. – С. 276.
11. Лотман Ю.М. О семиосфере // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – 1984. – Вып. 641. Труды по знаковым системам. [Т.] 17. – Тарту, 1984. – С. 5-23.
12. Переломова О. С. Лігнвокультурні коди інтертекстуальності українського художнього дискурсу: діахронічний аспект. – Суми, Вид-во СумДУ, 2008. – С. 130.
13. Степанов Ю.С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С.13.

В.С. Сломський. Ю.М. Лотман як філософ тексту. У статті розглянуті особливості творіння Ю.М. Лотманом свого концептуального поля дослідження. Пізніше це було визначено як "загальна гуманітарна наука, або нова загальна антропологія". Наукова діяльність ученого була тісно пов'язана з діяльністю московської семиотичної групи. Відмічено, що на формування структурно-семиотичної культурології Ю.М. Лотмана найсуттєвіше вплинули праці Р. Якобсона по загальній теорії мови, російській літературі, поезиці і семіотиці, а також і праці М.М. Бахтіна, дослідника мови, епічних форм оповідання і жанру європейського роману.

Ключові слова: семиотика, Московсько-Тартуська школа, філософія тексту, поезика, епічні форми.

V.S. Slomski. Yu.M. Lotman as a philosopher of text. For many years Lotman has been engaged in the creation of his conceptual field of research. He created what Y. Stepanov later designated as "general humanities , or new universal anthropology". Scientific activity of Y.M. Lotman is closely linked with the activities of the Moscow semiotic group when in 1964 they were united around the presentation of results of research of Russian literature from the point of view of the structural-semiotic approach to formal language. The formation of structural-semiotic Y.M. Lotman's culture study most significantly influenced the works of Roman Jakobson on the general theory of language, Russian literature, poetics and semiotics.

A great influence on the formation of scientific views of Lotman's works have also Bakhtin, researchers language , epic narrative forms and genres of the European novel. In the 1960s, formed the central concept of the Moscow-Tartu school of semiotics – the "secondary modeling systems." This secondary system Lotman considered art, and above all fiction. According to him, every work of art organizes a natural language text on the new rules of logic, allowing a person to create a "model" of the world and himself. Y.M. Lotman is always in the focus of attention of scientists in the humanities. Moreover, today, intellectual dialogue with Lotman develops incrementally. And we can safely say that the personality of the scientist becomes a landmark for understanding the ways of the domestic and world science in the XXI century.

Key words: semiotics, Moscow-Tartu school, philosophy of text, poetics, epic forms.

[1] © Сломский В. С., 2014.

[2] См.: Григорьев Р., Даниэль С. Парадокс Лотмана // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 5-13.

[3] См.: Лотман Ю. М., Минц З. Г. О глубинных элементах художественного замысла: К дешифровке одного непонятого места из воспоминаний о Блоке // Материалы I Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974. – С. 168-175; Лотман Ю. М. Что дает семиотический подход? // Вопросы литературы. – 1976. – № 11. – С. 67-70; Лотман Ю. М. Die Maske in der kunstlerischen Welt Gogols und die Masken Anatoli Kaplans // Gogol N. Die toten Seelen. – Berlin; Weimar, 1981. – S. 599-610; Лотман Ю.М. Три функции текста // Анализ знаковых систем: История логики и методологии науки: Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Харьков, октябрь 1986 года. – Киев, 1986. – С. 76-77; Лотман Ю. М. К современному понятию текста – On the Contemporary Concept of the Text // Livstegn: Proceedings of the first symposium "Semiotics in Theory and Practice", 2-3 Oct. 1986. – Bergen (Norway): Norwegian Association for Semiotic Studies. – 1987. – № 3. – P. 155-163; Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1987. – Вып. 754. – С. 10-21; Лотман Ю. М. О природе искусства // Alma Mater (Тарту). – 1990. – № 2 (4). – С. 2-3 и др.

^[4] См.: Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. – 1967. – № 1.

^[5] См., например, Тимофеев М. Ю. Семиосфера наций (системно-конструктивистский анализ): дис. д-ра филос. наук. – Иваново, 2005; Смирнов Д. Г. Философско-методологический анализ взаимодействия ноосферы и семиосферы: дис. канд. филос. наук. Иваново, 2005; Свистунова Н. И. Спортивные игры в семиосфере культуры и языка: концепт «футбол» в английском языковом сознании: дис. канд. филол. наук. – Абакан, 2004; Кремер А. Г. Вокальные циклы Д. Шостаковича как семиосфера поэтического и музыкального текстов: дис. канд. искусствоведения. – Москва, 2003; Сычугова Л.А. Наименования животных в семиосфере английской этнокультуры: дис. канд. филол. наук. – СПб., 1996.